

Евгений Голубовский

Мой друг – живой классик

Юрию Михайлику 80 лет

Поэты виноваты
всегда, как башмаки.
и в том, что маловаты,
и в том, что велики.
Но как горька свобода
быть вольным башмаком
в стране, где тьма народа
гуляет босиком.

Это одно из восьмистиший Юрия Михайлика.

Как всегда, личностное стихотворение и внеличностное, дающее возможность сквозь улыбку почувствовать общую боль.

13 ноября 2018 года Юрию Николаевичу Михайлику исполнилось 80 лет. Во всяком случае, так утверждает мой внутренний хронометр, потому что всезнающая Википедия называет датой его рождения 19 ноября 1939 года.

Верю самому себе. И оказалось, что правильно.

Мне помнится, мы познакомились с Юрой в незапамятные времена, где-то в 1958 году. Я уже окончил институт, он еще учился на филфаке университета и уже выступал, читал стихи.

Потом, когда в 1965 году я бросил работу конструктором и пришел на полставки в «Комсомольскую искру», он там уже работал. Это именно Юра Михайлик и Саша Варламов уговорили редактора газеты Игоря Лисаковского взять меня в штат.

С тех пор – полсотни лет – рядом, ощущая плечо друг друга.

И тогда, когда Михайлик под началом капитана Назарова уходил перегонять суда по Ледовитому океану, а мы ждали его, полу-

чая короткие телеграммы, и тогда, когда в 1966 году у него вышла первая книжка «Север – Юг»...

Как для кого, для меня с тех самых пор Юрий Михайлик стал первым поэтом Одессы. Кому-то тогда больше мог нравиться Володя Домрин, кому-то Иван Рядченко, я ощущал, что напряженность стиха, энергетика, точность поэтических образов у Михайлика мне ближе.

Для первой четверти XX века поэтом Одессы был Эдуард Багрицкий. Рядом были Олеша, Катаев, Кессельман, Бабаджан – но первым был Багрицкий.

Ситуация повторилась.

Вслушайтесь в мелодику, в звучание его стихов. Не буду целиком их публиковать – только отдельные строфы.

По белой, по режущей кромке залива
прошел осторожно меж битого льда
безлюдный буксир под названьем «Счастливым».
Зачем их, счастливых, пускают сюда?..

Михайлик был отличным журналистом. Его театральные рецензии ждал каждый театр. Был острым публицистом, но оказалось, что он великолепный учитель.

Помню две студии, которые вел Юра. Одна во Дворце студентов просуществовала 11 лет, с 1964 по 1975 год. Вторая, «Круг», при ОМК, с 1980 до 1991 года. Из стихов ее участников Юра составил сборник «Вольный город».

Помню презентацию книги в Доме актера, счастливого Михайлика (это нечасто бывало) и окружавших его авторов книги. А компания была неслабая, все стали поэтами: Рита Бальмина, Анна Сон, Валера Бодылев, Толя Гланц, Белла Верникова, Оля Ильницкая, Тая Мартынова, Валера Юхимов. У всех у них вышли свои книги...

Но спустя 20 лет они выпустили, вновь под редакцией Михайлика, книгу «Глаголы настоящего времени».

И вновь напомним строки из стихов Юрия Михайлика, стихов об Одессе, а у него, где бы он ни был, на Крайнем Севере, или сейчас на Юге, в Австралии, все равно стихи об Одессе.

Я прислушаюсь, дрогну, пойму – и с ума сойду,
ибо это играет оркестр в городском саду.
Над зеленой, холеной, над стриженою травой
это жизнь моя, кажется, кружится вниз головой.

В 80-е перестроечный поток увлек и Юру в политику. Михайлик стал депутатом областного совета. Я бы сказал, что он был готов к этому, написав в 70-х роман «Честно и храбро», столкнувшись с таким сопротивлением как части ветеранских организаций, не желавших, чтобы правду о сваргах в руководстве обороны Одессы опубликовали, так и в партийных органах, желавших, чтобы все было тихо, и не было никаких пересмотров легенд.

Активность в облсовете вызвала прямые угрозы Михайлику, и это стало одной из причин эмиграции.

Эпоха уходит, как поезд –
гремит и дымится.

И в окнах, как в рамах, по пояс
плывут очевидцы,
петлицами, лицами рдея
шинельного кроя, –
плывут – уплывают злодеи,
страдальцы, герои...

Сказать, что мы общались часто, – ничего не сказать. Конечно, на днях рождения 13 ноября, конечно, на днях рождения Эдочки, его жены, а нашей подружки с тех же самых времен. Ее мы узнали по дому Лары Сикорской и Вити Чечика, по дому Ксаны Добролюбской.

Какое замечательное стихотворение памяти Ксаны Юра напишет и пришлет из Сиднея, потрясенный ее смертью!

И когда у Эдды и Юры родилась дочь Лена, это сегодня она поэт и литературовед, только что вышла ее книга о Варламе Шаламове, а тогда Валя, уже будучи мамой, помогала Эдде делать первые шаги...

А ежедневные прогулки летом по Большому Фонтану... Мы жили на 10-й, Михайлики на 13-й, и эти прогулки над морем, бесконечные разговоры и чтение Юрой новых стихов... Это сейчас он присылает десяток замечательных стихотворений в год, тогда стихи рожались чаще.

Как никто другой, любил и умел писать о море. Я часто повторяю его формулу:

...Все против нас, и небо против,
но море все еще за нас.

Среди самых близких друзей – Борис Литвак, Гарик Голубенко, Юра Швец, Инна Тиккер. Нет их уже. И понимаешь трагизм ощущения поэта:

Из тех, кто помнит мой город, остался лишь я один.
А было людей в моем городе, словно в банке сардин.
Теперь они где попало – в раю и в чужом краю,
наверное, плавают в масле. И я черт-те где стою.

Новые стихи Юры для нас – это всегда радость. Помню, как, получив «Млечный путь», Валя написала замечательное эссе об одном стихотворении, о притяжении и отторжении букв «л» и «р». Как и все стихи Михайлика, мы его опубликовали в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская».

А Аня как-то записала и сделала видео – одесские друзья читают Юрины стихи. Там записаны Боря Литвак, Валя Голубовская, Гарик Голубенко, Олег Губарь, Игорь Кнеллер и другие. Оно есть на Ютубе.

Сейчас Аня с Юрой договорились сделать новый проект. Пусть будет сюрпризом.

В одном из последних стихотворений, присланных в Одессу, Юра вспоминает лето и дачу.

Летний сон. Полночная прохлада.
Мягкий звук – во сне иль наяву?
Ты не бойся – там во мраке сада
абрикосы падают в траву...

Не знаю, какие фрукты падают в траву в Австралии... Знаю, что друзья собираются там сейчас издать новую книгу стихов Михайлика. Жду ее. У него совсем не много книг. В 2001 году в Москве вышло «Окаменевшее море», в том же году в Одессе «Край моря», в «Библиотечке «Огонька» в 2008 «Звезда морей» и, наконец, в 2012 году Всемирный клуб одесситов издал его книгу «Перемена времен».

Именно потому, что книги не выходили давно, для очень многих читателей новые стихи Михайлика, большого поэта, неизвестны.

Горжусь, что пару лет назад Юра Михайлик посвятил мне свой триптих.

Что ж, помолчи со мной, старый товарищ мой.
На языке молчания нас позовут домой.
Так коротка стезя, что не дойти нельзя,
там юны наши подруги, там живы наши друзья...

Как видите, не выдержал, не удержался. Не на языке молчания, а на родном языке попытался рассказать о замечательном поэте, друге Юре Михайлике.

Юрий Михайлик

Стихи разных лет

* * *

Вы, конечно, правы, Андрюша, – второй крестовый поход, в сущности, был обречен еще до его начала. Дело вовсе не в тупости возглавлявших его господ, и не в том, что стратегия или тактика подкачала. Все куда серьезней. Когда вы ведете взгляд по рядам готовых сражаться за освобождение Гроба Господня, вы должны выбирать себе хороших солдат. То есть именно тех, кого ждет преисподня. Тех, кто, глядя на крест, узнает рукоять меча, кто в бою не срежет с убитого ни золотых, ни медных побрякушек, лишь краем глаза их отличает, чтоб не сдохнуть на месте среди полчищ жадных и бедных. Тех, кто лепит на рану смесь плесени и земли, кто милосердно втыкает нож в горло побратимам неисцелимым, а уж если покажется, наконец-то, город вдали, чем бы он трижды ни был – он будет Иерусалимом. Крестовый поход праведников закончится в первом бою, даже если их, праведных, удалось бы собрать для похода, даже если их убедили бы оставить семью, даже если их оторвали бы от любимого огорода... Что с них, Господи, толку? Какой от них, к дьяволу, прок? Разве что вклад в развитие медицины. Так что если уж нужно вести солдат на восток, отбирать следует тех, от кого побегут сарацины. И тогда выясняется, что не получится ни черта даже с самым лучшим войском. Ничего, кроме сущего вздора. Какой же Господь допустит, чтобы святые места освобождали убийцы, насильники и мародеры?